

МЕТОДОЛОГИЯ ОБЪЯСНЕНИЯ МОТИВАЦИИ И МОТИВ БОГАТСТВА В ПОВЕДЕНИИ ЛЮДЕЙ

Глобальный финансовый кризис, который все чаще связывается с феноменом так называемого «избыточного потребления», возвращает в эпицентр наших размышлений проблему пределов потребительской ориентации современного человека. В свою очередь, глубокий объективный анализ этой проблемы не имеет серьезных перспектив без обращения к теме источников, побудительных сил, мотивов деятельности людей.

Основные методологические подходы к объяснению мотивационных оснований поведения людей

Побудительные силы, причины и факторы человеческого поведения – предмет многочисленных размышлений и исследований, предпринимавшихся в психологии, социологии и других отраслях социогуманитарного знания.

В первую очередь проблема «желания» и сходных с ним психических переживаний (инстинкт, влечение, потребность, побуждение и т.п.) - это традиционная проблема психологической науки. Со времен античной науки преобладала тенденция считать побуждающие переживания самостоятельными психическими единицами. Данный подкласс эмоциональных явлений выделялся наряду с двумя другими: переживаниями удовольствия и неудовольствия и эмоциями типа страха, гнева, стыда, ненависти и др., содержащими, помимо оценки вызвавшего их объекта, определенную реакцию на него.

Детальная научная проработка извечной проблемы «желания», а в более строгом научном выражении - проблемы мотивации поведения, началась во второй половине 19 века и продолжается до настоящего времени. Особое исследовательское внимание к этой тематике вылилось в чрезвычайное разнообразие, несхожесть, а порой и противоречивость теоретических конструкций, объясняющих истоки человеческих действий. Так, автор академического издания, посвященного психологическим концепциям мотивационных процессов, Х.Хекхаузен выделил четыре основных направления в объяснении мотивационных оснований поведения человека¹.

Первым из направлений, на его взгляд, акцент делается на индивидуальные диспозиции субъекта. Этот акцент объединяет таких несхожих по сути своих идей мыслителей, какими являются У.Мак-Дауголл, Г.Мюррей, З.Фрейд, А.Адлер, К.Хорни, А.Маслоу, К.Роджерс и др. Вторым направлением в объяснении мотивационных оснований поведения человека особое внимание уделяется влиянию на него ситуационных факторов. Классическим примером такого подхода является бихевиоризм, который описание и объяснение поведения дает по схеме стимул – реакция. Для третьего подхода характерна попытка представить поведение как результат взаимовлияния актуальных диспозиций личности и особенностей ситуации. Здесь следует упо-

¹ Х.Хекхаузен. Мотивация и деятельность. Т. 1, М., 1985. С. 15-33.

мянуть прежде всего теорию редукции влечения К.Халла и теорию когнитивного диссонанса Л.Фестингера и Э.Аронсона. Четвертое направление исследований отдает приоритет выяснению основ целенаправленной человеческой деятельности и возможностей ее осуществления. Первой наиболее известной теорией, в которой реализовался этот подход, стала концепция личности К.Левина.

Объяснения оснований человеческого поведения в социологических концепциях, на которых мы остановимся более подробно, не менее разнообразны, чем у психологов. Внутренние его причины – предмет особого внимания О.Конта и В.Парето.

О.Конт видел первоисток поведения в эгоистических, семейных и социальных инстинктах (чувствах). В «эпоху детства человеческой жизни» основную роль играли инстинкты, относящиеся к поддержанию материальной жизни. Уменьшение влияния эгоистических инстинктов и пробуждение социальных чувств происходило по мере возрастания значения разума, вырабатывающего определенные правила поведения. Хотя личные инстинкты преобладали и будут преобладать всегда. Ничего порочного в этом нет. «В самом деле, - спрашивает Конт, - каким образом тот, кто не любил себя, мог бы любить другого? Нужно опасаться только слишком слабой интенсивности социальных чувств»². Развитие ума равносильно возрастанию инстинктов доброжелательства, потому что оно усиливает власть человека над страстями и делает более отчетливым и живым сознание зависимости от общества. Оно же дает перевес чувствам симпатии, устраняя эгоистические мотивы и внушая любовь к порядку, способную содействовать сохранению социальной гармонии.³ Посредником между индивидом и родом выступает семья. Именно в ней человек начинает выходить за пределы своей личности и приучается жить для других. Особую роль отводил он женщинам, которые, отличаясь развитостью чувства симпатии и общительности, призваны изменять слишком холодное и грубое направление мужского ума, вызывать смягчающие социальные инстинкты. Для детей семья является школой социальной жизни, вырабатывающей способность к повиновению и к управлению. Привычка к кооперативной деятельности также развивает социальные инстинкты, вызывая чувство зависимости от других и сознание своего личного значения. Это происходит более интенсивно, когда работа распределена таким образом, что каждый занимается тем, к чему имеет склонность и лучше подготовлен.⁴

Согласно взглядам В.Парето, источником человеческих действий являются биопсихические импульсы, названные им «остатки». «Остатки» - это нелогические поступки, к которым Парето относил все те действия, которые субъективно или объективно не обнаруживают логической связи. Существует, поясняет Парето, шесть классов остатков. Два из них особенно важны для социологов. Это «инстинкт комбинаций», или склонность к установлению

² Социология Конта в изложении Риголажа. Санкт-Петербург. 1898. С. 81-82.

³ Там же. С. 82.

⁴ Социология Конта в изложении Риголажа. С. 83, 89.

связей между идеями и вещами, к извлечению следствий из провозглашенного принципа, к правильному или неправильному рассуждению, обуславливающему интеллектуальный прогресс, развитие способа деятельности и форм общественной жизни. И его противоположность – «незыблемость агрегатов», или склонность людей к поддержанию сформировавшихся комбинаций, к отказу от изменений и к согласию с императивами. В числе других остатков: «потребность проявления чувств во внешних действиях», «остатки, относящиеся к социальности», «целостность индивида и его зависимостей», «сексуальные остатки».⁵

Стремление найти социокультурные, исторические детерминанты человеческой деятельности, хотя и по-разному интерпретируемые, объединяет творчество Г.Зиммеля, М.Вебера и зрелого П.Сорокина.

В формальной социологии Г.Зиммеля потребности, побуждения и цели людей введены в категорию «содержание». Будучи обусловлены культурно-исторически, они составляют «материю» социальных взаимодействий. «Все, что существует в индивидах, которые являются непосредственным, конкретным данным любой исторической реальности, в форме влечения, интереса, цели, склонности, психического состояния, движения души, - все, что наличествует в них таким способом, что имеет (или опосредует) воздействие на других, или воспринимает такое воздействие, я обозначаю, - писал Зиммель, как содержание, или материал, социации».⁶ Структура взаимодействия представлена понятием «формы социации». Действующие индивиды преследуют свои собственные цели, интересы. Но их действия отвечают взаимным ориентациям, т.е. требованиям форм. Реализуя своими действиями чистые формы поведения, люди наряду со своими индивидуальными характеристиками приобретают качества, которые проявляются вне зависимости от того или иного конкретного взаимодействия. Одна из таких форм социации – социальный тип. Конкретные примеры типов, исследованных Зиммелем: циник, бедняк, кокетка, аристократ. Отличительным признаком современной ему эпохи Г.Зиммель считал потерю многими социальными формами наполнявшего их прежде содержания, превращение в самодовлеющие игровые формы. Примером таких форм являются «наука для науки», «искусство для искусства» и т.п.

Выявление источников человеческого поведения, специфических в различной исторической и социокультурной среде, поставил во главу своих сравнительно-культурологических исследований М.Вебер. Сравнивая высоко развитые формы религиозной жизни, немецкий социолог классифицировал их на основе различного отношения к миру, и как следствия, специфики деятельности людей. Так, для конфуцианства характерно приятие мира. Буддизм отличает отрицание и неприятие мира. Зороастризм, христианство, ислам принимают мир на условиях улучшения, исправления. По-разному решается

⁵ Р.Арон. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 424-444.

⁶ G. Simmel. Soziologie Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig. 1908. С. 5.

в них и проблема спасения. Основополагающими являются два варианта: спасение через собственные действия (буддизм) и спасение с помощью посредника (иудаизм, христианство, ислам). При первом варианте методами спасения являются либо ритуальные культовые действия и церемонии, либо социальные действия (любовь к ближнему, благотворительность, забота о близких), либо самоусовершенствование. При втором – спасение возможно через принадлежность к церкви (католицизм), через веру (иудаизм, лютеранство), через милость предопределения (ислам, кальвинизм). Различаются также пути спасения: через активное этическое действие и через мистическое созерцание. В первом случае необходимым условием спасения является аскеза, которая в свою очередь означает или бегство человека от мира или внутримирскую экономическую и иную деятельность (кальвинизм). Во втором варианте аскеза – средство достижения мистического просветления, покоя в божественном.⁷

П.Сорокин в зрелый период своего творчества связал поведение с его культурной (ценностной) детерминацией. Культура, в его интерпретации, принимает форму трех суперсистем: «чувственной», «умозрительной» и синтезирующей их «идеалистической». Они бесконечно сменяют друг друга в процессе циклической флуктуации. В основе каждой суперсистемы в качестве ее интегрирующего начала лежат представления о сущности объективного мира, природе потребностей, уровне их удовлетворения, его методах. Там, где эти представления возникают на основе сенсорного знания, а потребности носят преимущественно материальный характер, формируется чувственная культура. Эмпирическая, светская, эта культура возникла, по мнению Сорокина, приблизительно в XVI веке, а в наши дни исчезает. Идущая ей на смену идеационная (умозрительная) культура формируется на основе мистической интуиции или разума. Ее отличает преобладание чисто духовных потребностей, уровень их удовлетворения максимально высок, осуществляется он через преобразование духовного мира человека.⁸

Существенное место социокультурной принадлежности человека в его мотивации отчетливо иллюстрируется особенностями поведения представителей западной и восточной культурных традиций. Их различие покоится на своеобразии видения мира, трактовки основ мироустройства. В восточной традиции, где порядок в природе и обществе связывался с действием сверхъестественного космического закона, вечного и неизменного, судьба человека ставилась в зависимость от признания этого закона и повиновения ему. В этой обстановке активность людей направлялась преимущественно не на внешний мир, а на самих себя и ее основными формами, привнесенными культурой, оказались самовоспитание и психическая саморегуляция. Даже в конфуцианстве, которое можно определить как учение об управлении людьми, теорию для будущих губернаторов,⁹ во главу ставился тезис, что нельзя

⁷ История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М., 1979. С. 301-302.

⁸ П.Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1991. с. 427-435.

⁹ В.М.Алексеев. Китайская литература. М., 1978. С.435

научиться управлять другими людьми, а тем более целым государством, не научившись управлять собой, своею психикой.

В западной традиции отказ от присущих античной цивилизации представлений об универсальности космического закона – логоса, развитии мира как круговом движении с его бесконечными повторами связан с христианством, хотя, судя по всему, подготовлен предшествующим развитием этого культурного региона. Решающая христианская догма о конечном спасении вызвала к жизни взгляд на развитие мира как на линейный, целенаправленный процесс. Эсхатологическое ожидание второго пришествия Христа, которое нужно встретить, имея как можно больше свидетельств, подтверждающих избранность к спасению, породило более деятельное отношение к миру, стремление усовершенствовать его в соответствии с божественными заповедями. Нацеленность на то, чтобы утвердить Царство Божие на земле, находилась в резком диссонансе с ситуацией на Востоке, где общественные усилия свелись к воспроизводству традиционного уклада социальной жизни.

В контексте концепции социальной интеграции, т.е. упорядочения социальных взаимодействий, рассматривал категорию «мотивация» Т.Парсонс. Мотивы – это, по мнению Парсонса, то, что люди «испытывают побуждение» сделать или хотят сделать в соответствующих ситуациях и обстоятельствах.¹⁰ Функция мотивационной ориентации состоит в организации различных поступков действующего лица в единый процесс действия. В отличие от мотивации другая ориентация – ценностная – состоит в выборе нормативных стандартов, коренящихся в культуре.

Единицей мотивации Парсонс считает потребность-установку. Самим этим термином он подчеркивает ее двойственный характер. С одной стороны, она означает то, что действующее лицо стремится получить из мира объектов, с другой – в ней выражен способ его действия в отношении этого мира. Конкретное содержание потребностей-установок Парсонс раскрывает, обращаясь к понятию типовых переменных. Мотивационные ориентации он соотносит с двумя дилеммами: аффективность-аффективная нейтральность, специфичность-диффузность. Выбор из первой дилеммы аффективности – основа действия. Выбор аффективной нейтральности – отказ от него. Специфичность означает потребность-установку действующего лица относиться к объекту как имеющему значение, ограниченное рамками данного действия. Диффузность – это потребность-установка относиться к объекту как имеющему множество значений, не ограниченных рамками данного действия. Парсонс особо отмечал, что поскольку социология интересуется прежде всего коллективами, составленными из людей, а не самими людьми, пусть даже исполняющими роли, то когда речь заходит о мотивации, в центре внимания должны находиться типы мотивов, их сравнительная распространенность и обусловленное ими поведение, а не индивидуальные случаи.¹¹

¹⁰ Американская социология. М., 1972. С. 365.

¹¹ Американская социология. С. 366.

Отдельное направление в объяснении источников человеческой активности представляют концепции общего, коллективного основания деятельности. Одно из таких оснований – «коллективное представление» Э.Дюркгейма. Другое – сверхличное, коллективное бессознательное К.Юнга. Третья коллективная детерминанта поведения – социальный характер, имеющий, в частности, ключевое значение в теоретических построениях Э.Фромма.

Отмечая принудительную силу коллективных представлений, которые в совокупности образуют коллективное или общее сознание, над индивидом, Э.Дюркгейм писал: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием»¹². «Оно, - продолжает он, - психический тип общества... имеющий свой способ развития, свои свойства, свои условия существования»¹³. Наиболее наглядно представления о коллективном сознании отразились в дюркгеймовской концепции религии. Отрицая идею сверхъестественного, божественного как атрибута религии, Дюркгейм называл бога обществом. Главное назначение церкви – отправление коллективных обрядов и культов, увеличивающих солидарную силу группы и укрепляющих общее сознание. С интенсивным социальным общением во время первобытных культовых действий, обрядов, церемоний и празднеств, когда трудное повседневное существование сменялось состоянием крайней экзальтации и подъема, пробуждающих веру в великую идею коллективности общества, связано само появление религиозной идеи.

Как известно, сверхличностное коллективное бессознательное – это, по мысли Юнга, наиболее глубокий, основополагающий слой человеческой психики. Коллективное бессознательное включает в себя образцы поведения, которые у всех людей одни и те же и образуют всеобщее основание душевной жизни. Содержание коллективного бессознательного является врожденным. Состоит оно из так называемых архетипов, т.е. архаических образов, существующих с древнейших времен и возникших из опыта предков человека. По словам Юнга, коллективное бессознательное – это разум наших древних предков, способ, которым они думали, чувствовали, постигали жизнь и мир. Представляя собой систему установок и поведенческих реакций, архетип является главным фактором, определяющим течение человеческой жизни. Коллективное бессознательное всегда проявляется через индивидуальную психику. Вторжение этого бессознательного в индивидуальное сознание носит болезненный характер. Субъект оказывается поражен необычностью его содержания, которое ощущается им как нечто жуткое, сверхъестественное, нередко опасное. Иногда оно может вызывать ощущение помощи сверхъестественных сил. Наиболее часто, однако, представляется вредным,

¹² Э.Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 80.

¹³ Там же.

болезненным влиянием, приводящим к психическому расстройству.¹⁴ Народы «прорывы» коллективного бессознательного могут привести к массовым психозам.

Давая определение социального характера, Э.Фромм писал, что в него «входит лишь та совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни».¹⁵ Социальный характер обуславливает мысли, чувства и, главное, действия человека. Его субъективная функция состоит в том, чтобы направлять действия человека в соответствии с его практическими нуждами и давать ему психологическое удовлетворение от его деятельности. В общественном процессе функция социального характера состоит в превращении психологической энергии человека в производительную силу, необходимую для функционирования общества. Сложившийся социальный характер может, как соответствовать экономическим обстоятельствам жизни, так и отставать от них. В истории человеческого общества Фромм выделяет четыре типа социального характера: рецептивный, эксплуататорский, накопительский, рыночный. Они универсальны, но каждому обществу свойственен доминирующий тип, обусловленный конкретной социальной структурой. Рецептивный тип, (основанный на послушании), наиболее характерен для феодализма, эксплуататорский и накопительский – для капитализма XVIII-XIX вв., рыночный – для индустриального общества.¹⁶ Все эти типы характера Э.Фромм оценивает как «непродуктивные», не способные решать экзистенциальные проблемы существования, препятствующие реализации творческих потенций человека.

В целом следует отметить, что такого числа интересных и оригинальных теоретических конструкций, как созданных с целью объяснения человеческого поведения, нет, пожалуй, ни в какой другой области научного знания о человеке и обществе. Но подобное разнообразие подходов свидетельствует и об отсутствии достаточно признанной, хотя бы в качестве основы для последующего синтеза, точки зрения. Сами подходы отличаются известным преувеличением роли отдельных причин, побуждающих к деятельности. В одном случае чрезмерный акцент делается на внутренних источниках мотивации, в другом – на внешних, ситуационных, в третьем излишний приоритет отдается коллективным детерминантам поведения, в четвертом абсолютизируется значение социокультурного своеобразия и т.п. Большинство концепций страдает отстраненностью от конкретного исторического материала. Особенно очевидна тщетность попыток найти единый, универсальный источник человеческой активности. Особенно это касается ведущих причин человеческой активности. Причем независимо от того, где ведутся поиски такого универсального источника: «внутри» человека или вне его.

¹⁴ К.Юнг. Аналитическая психология. Хрестоматия по истории зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы. С. 154-156, 158-161.

¹⁵ Э.Фромм. Бегство от свободы. М., 1990. С. 230.

¹⁶ Э.Фромм. Человек для себя. Минск, 1992. С.66-107.

Из всего многообразия постулируемых сейчас внутренних источников деятельности вполне определённо к ним можно отнести только мотивы, возникающие на основе первичных биологически обусловленных потребностей - в пище, воде, поддержании определенной температуры тела, безопасности, следовательно, в одежде, жилище и т.п. Хотя их конкретное наполнение, место в мотивационной иерархии личности, способы реализации могут весьма существенно различаться как в разные времена, так и у представителей различных культур. Этнографы отмечают, что даже такие, казалось бы, чисто биологические явления, как половой акт или роды, осуществляются у человека разными приёмами, в которых имеются определённые, и очень существенные, этнические различия. Эти различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, в их излюбленных позах стояния или сидения и т.п.

Как о неотъемлемых свойствах природы человека с полной уверенностью сегодня можно говорить только о таких, на первый взгляд, банальных вещах, как индивидуальная принадлежность мотивов и - на определённой стадии развития личности - стремление к их свободному, осмысленному выбору. Есть также основания предположить, что осознанно определять свои жизненные ориентиры, поступки человек начал тогда, когда было преодолено архаическое мышление, отличавшееся высокой степенью слияния индивида с окружающим его миром и тем социальным сообществом, к которому он принадлежал.¹⁷ Сформировавшаяся способность абстрактного мышления позволила индивиду предвидеть и планировать свою жизнь, мысленно перебирать возможные её варианты, формулировать критерий выбора.

Понять психологические основания прорыва человека к осмыслению своего бытия помогает теория развития интеллекта Ж.Пиаже. Процесс когнитивного развития Пиаже выражал в терминах «центрация» и «децентрация». Согласно его теории, субъект первоначально центрирован на своих собственных действиях и на своей точке зрения. Такой своеобразный эгоцентризм можно наблюдать у ребёнка, для которого центром вселенной является его личный мир. Смешивая субъективное и объективное, он приписывает свои мотивы физическим вещам, переносит собственные внутренние побуждения на причинную взаимосвязь явлений окружающего мира. Он не способен критически со стороны взглянуть на себя, стать на позицию другого, понять, что возможны иные, отличные от его собственных оценки окружающих предметов и явлений. Постепенно реальность жизненного мира ведёт к удалению человека из эгоцентрической перспективы. Процесс познавательной децентрации даёт субъекту возможность понять позицию других людей, посмотреть на мир с их точки зрения, иначе взглянуть на себя самого, переоценить свою жизнь в границах более широкого смыслового контекста.¹⁸

В конечном счете, всё сказанное здесь о мотивах (желаниях) человека позволяет сделать вывод, что они - результат жизнедеятельности человека,

¹⁷ Ф.Кликс. Пробуждающееся мышление. М., 1983. С. 150-155.

¹⁸ Ж.Пиаже. Теория Пиаже. История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века. С. 245-247.

его бытия в мире. Конкретными проявлениями бытия - источниками мотивов, детерминантами активности людей являются их социальное положение, принадлежность к культурной традиции, психическое развитие самого человека. Динамичность этих трёх факторов обуславливает динамичный характер мотивационной сферы личности и объясняет несостоятельность многочисленных попыток найти некий единый, тем более неизменный источник человеческой деятельности независимо от того, где ведутся поиски: "внутри" индивида или вне его.

Богатство как социокультурный феномен и мотив поведения

Динамичность мотивов (желаний) человека может быть вполне убедительно проиллюстрирована, во-первых, на примере изменения в его сознании жизненной ценности денег, приобретательства и, наконец, богатства *как обилия материальных ценностей, денег* (см. Толковый словарь русского языка (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова). Во-вторых, - на весьма широкой смысловой нагрузке самой категории «богатство», находящейся в существенной зависимости от конкретного социокультурного и временного контекста. Об этом свидетельствует представленный ниже небольшой культурно-исторический экскурс в смысловое содержание этого понятия.

Начнем с того, что в условиях первобытного общества первоначально богатство отождествлялось с жизнью в многолюдном доме под защитой сильного лидера. Позже под ним стали понимать тот излишек материальной продукции, который мог использоваться для налаживания социальных связей. Появление регулярного избыточного продукта поначалу вызвало к жизни престижную экономику. Ее костяк составили престижные пиры и развитый дарообмен, состязания подлачи с публичной демонстрацией богатств и массовой раздачей имущества. Функции престижной экономики были многообразными, но всегда социально-организующими. Самодовлеющее значение производство материальных благ приобрело по мере того, как владение ими стало определять престиж человека, его участие в управлении.

В средневековой Европе доминировали два мотива поведения. Первый мотив был производным от социального положения индивида и состоял в подтверждении, а, по возможности, повышении его сословно-корпоративного статуса. Другим широко распространённым побуждением к действиям, но уже порождённым христианским мировоззрением, являлось спасение души. Отношение к богатству определялось весьма популярной в средние века евангельской сентенцией: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство божие». Труд не должен отвлекать от молитвы. Поэтому не следует превращать его в самоцель, а тем более в средство обогащения, накопления богатства.

Гордыню и корыстолюбие можно противопоставить друг другу в качестве главных грехов раннего и позднего средневековья. Гордыня, высокомерие считались источником всякого зла тогда, когда владения и богатство еще не обладали заметной подвижностью, а ощущение власти не основывалось исключительно на богатстве. Но в Библии, помимо слов «в гордыне поги-

бель», имеются и другие – «корень бо всех зол есть сребролюбие». И, похоже, делает вывод Й. Хейзинга, что, преимущественно начиная с XIII вв., укрепляется убеждение в том, что именно необузданная алчность ведет к гибели мира. Алчность, продолжает он, – порок того времени, когда денежное обращение перемещает, высвобождает предпосылки обретения власти. Человеческое достоинство оценивается теперь путем прямого расчета. Открываются невиданные ранее возможности накопления сокровищ и удовлетворения неукротимых желаний. Удовлетворение ищут в неистовых крайностях скупости и – расточительства. В литературе того времени: в хрониках, поговорках и благочестивых трактатах – повсюду обнаруживается жгучая ненависть к богачам, жалобы на алчность великих мира сего¹⁹.

Исторически жажда обогащения, накопления богатства была известна давно. Но только после того, как пуританизм возвел его в ранг призвания, религиозно-этической миссии, начал формироваться человек, обогащавшийся методичным, каждодневным трудом, считавший, что каждая потерянная минута означает убыток. Создатель классической модели буржуазной системы моральных ценностей Б. Франклин сделал вывод в «Совете молодому торговцу», что богатство «главным образом зависит от двух вещей: от трудолюбия и умеренности. Иначе говоря, – не теряй ни времени, ни денег и используй и то и другое наилучшим образом»²⁰.

Сложно дать однозначное объяснение того исторического факта, почему обогащение, т.е. стремление к богатству, стало ведущим мотивом человеческой деятельности. Скорее всего, наиболее близок к истине М.Фридман, связывающий, ссылаясь на А. Токвиля, этот феномен, т.е. превращение богатства в символ и свидетельство успеха, с тем, что широкие слои общества не желали принимать в расчёт такие традиционные критерии феодального и аристократического общества как родословная и происхождение. Очевидной альтернативой этим критериям являлись результаты практической деятельности человека, а накопление богатств было наиболее простым и доступным мерилем этих результатов²¹.

То, что эта жизненная ориентация, а с ней и капиталистические порядки утвердились особенно быстро в Европе, связано, в частности, с особенностями европейского социального устройства. Еще в условиях феодализма здесь существовали весьма благоприятные условия для накопления капиталов. К этим условиям, помимо рыночной экономики и международного разделения труда, обеспечивавшего более высокие прибыли, Ф. Бродель отнес возможность создания долговечных генеалогических линий и постоянного накопления богатств, передачи наследства и увеличения наследуемого иму-

¹⁹ Й. Хейзинга. Осень Средневековья. М., 1988. С. 29-30

²⁰ В. Франклин. Избранные произведения. М., 1956. С. 76

²¹ М. Фридман. Свобода и равенство. В сб. Фридман и Хайек о свободе. Минск, 1990. С. 76.

щества. Не менее важно, по его мнению, и то, что можно было свободно заключать выгодные союзы, общество разделялось на группы, из которых какие-то были господствующими, само оно было ступенчатым и социальное возвышение было, если и не легким, то, по крайней мере, возможным.

В нынешней западной цивилизации ориентация на богатство остается фундаментальной жизненной ценностью. Современная, как называет ее М. Кастельс, информационная/глобальная экономика является, по его оценке, фактически более капиталистической, чем любая другая экономика в истории. Законом по-прежнему является производство ради прибыли и для частного присвоения прибыли на основании прав собственности. А продуктивность, производительность, материальный прогресс остаются фундаментальным принципом современного общества.

В то же время такая жизненная установка подвергается существенному пересмотру. Ряды оппонентов утилитаристской парадигмы, суть которой состоит в утверждении, что главным регулятором человеческой деятельности выступает интерес, или полезность, сведенные к тому же до экономической калькуляции, расширяются. Идея противостояния двух принципиально различных ценностных подходов нашла отражение в известной фроммовской дилемме «иметь или быть». Приоритет модуса обладания лишает, по мысли Э. Фромма, «принцип жизни» его абсолютного значения, ведет к безразличию в жизни, утрате чувства благоговения перед нею.

В этой ситуации особый интерес представляют роль и социально-культурное наполнение категории «богатство» в постсоциалистических, постсоветских странах, где на протяжении жизни нескольких поколений экономическое, материальное содержание этой категории представлялось официальной идеологией и в значительной мере воспринималось массовым сознанием как антиценность.

Определенное представление о смысловом наполнении категории «богатство» для современных белорусов дают результаты исследования проведенного в г. Минске в 2004 г., в котором, в частности, изучались жизненные ценности жителей белорусской столицы. Рейтинг жизненных ценностей минчан представлен в табл. 1. Как видим, доминируют ценности, относящиеся к личной жизни (семья, здоровье, любимый человек)). Материальная обеспеченность занимает 4-ое место, высокооплачиваемая работа – 6-ое, собственно богатство – 9-ое.

Таблица 1

Иерархия жизненных приоритетов минчан*.

Приоритеты	Баллы
Крепкая семья	4,38
Хорошее здоровье	4,23
Любимый человек	2,51
Материальная обеспеченность	2,46
Душевное спокойствие	1,93
Высокооплачиваемая работа	1,88
Интересная работа	1,47
Хорошие друзья	1,42
Богатство	0,77
Уважение других людей	0,77
Активная жизненная позиция	0,73
Уверенность в себе	0,67
Бессмертие души	0,65
Возможность самореализации	0,61
Отдых, развлечения	0,59
Хорошее образование	0,58
Религия	0,38
Общение с интересными людьми	0,33

Значение материальных ценностей, включая богатство, для представителей различных возрастных групп существенно не отличается, но все же несколько выше у самой пожилой части населения. Отчасти это связано, особенно в отношении материальной обеспеченности, с более низкими доходами пожилых людей. Но, что станет очевидно в ходе дальнейшего анализа, дело не только в этом.

Исследователи задали вопрос: «Что для Вас означает богатство?» и предложили выбрать пять вариантов ответа из возможных двенадцати. Результаты опроса приведены в таблице 2. Они позволяют сделать весьма интересные выводы, касающиеся особенностей восприятия феномена богатства в переходном постсоветском обществе. Как оказалось, богатство ассоциируется у большинства людей, прежде всего с социальными явлениями. Во-первых, с чувством уверенности в будущем, надеждой на привычный еще со времен социализма минимум социальных гарантий (ответ: «возможность не думать о завтрашнем дне»). Во-вторых, с ориентацией на социальные связи

* Для измерения ценностных ориентиров минчан в данном исследовании использовался следующий подход: из списка, содержащего 24 ценности, респондент должен был выбрать семь наиболее важных и проранжировать их в порядке убывания степени важности. Ценность, занявшая первую позицию, оценивалась в 7 баллов, вторую – в 6 баллов и т. п.; седьмую – в 1 балл. Ценности, не отмеченные респондентом, – 0 баллов. Это позволило зафиксировать рейтинги ценностей с большей точностью, чем при использовании других методик измерения. Выборка составила 880 человек и была репрезентативна для г. Минска.

(ответ: «возможность помогать близким»). Еще один вывод состоит в том, что из экономических индикаторов восприятия богатства уровень жизни («высокооплачиваемая работа») заметно доминирует над предпринимательской ориентацией («наличие прибыльного дела»).

Таблица 2

Ответы минчан на вопрос: «Что для Вас означает богатство?»

Варианты ответов	Количество ответов (в %)
Возможность не думать о завтрашнем дне	72,7
Возможность помогать близким	65,3
Высокооплачиваемая работа	64,7
Возможность путешествовать	58,1
Наличие прибыльного дела	36,3
Возможность жить там, где захочется	32,2
Наличие недвижимости	30,7
Наличие дорогой машины, мебели, одежды	24,0
Возможность делать пожертвования	16,2
Наличие счета в иностранном банке	15,9
Наличие ценных бумаг	14,1
Наличие валюты, драгоценностей	12,8

Таковы среднестатистические данные. Но не менее показательны различия в ответах разных возрастных групп, представленные в таблице 3. Они позволяют, во-первых, говорить о более высокой социальной составляющей восприятия этого феномена людьми старших возрастных групп. Во-вторых, свидетельствуют об особо выраженной при восприятии богатства ориентации на прибыльное дело у самой молодой группы опрошенных (20-29 лет). Хотя и для них социальное содержание категории богатства все же более существенно.

Каковы причины этих двух тенденций? Очевидно, что отчасти дает о себе знать возрастной фактор. Но, на наш взгляд, в еще большей мере на позиции людей сказываются различия социального опыта их жизни. В частности, более близкое знакомство с реалиями рыночной экономики и большая степень адаптированности к ней молодых людей.

Таблица 3

Ответы минчан разных возрастных групп на вопрос: «Что для Вас означает богатство?»

Возраст	Количество ответов (в %)			
	Наличие прибыльного	Высокооплачиваемая	Возможность не думать о	Возможность помогать

	дела	работа	завтрашнем дне	близким
20-29 лет	50,5	60,0	60,9	55,9
30-39 лет	35,3	67,7	79,0	61,1
40-49 лет	34,3	69,3	78,9	64,5
50-59 лет	21,8	65,5	81,8	71,8
60 и старше	15,8	58,9	81,1	82,1

Подведем итог. Реальности постсоциалистической, постсоветской действительности подтверждают многообразие и социокультурную обусловленность смыслового содержания феномена «богатство» в глазах людей. Они же свидетельствуют о множественности принципов, лежащих в основе человеческой активности и, в значительной мере, самостоятельном конструировании человеком смысла своего бытия. А это укрепляет нашу надежду на то, что с течением времени разумные границы ориентации людей в их поведении на потребление, богатство будут поставлены.